

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 930.85(47)(049.32)
ББК 71.084.4
DOI 10.25281/2072-3156-2019-16-5-536-541

Н.Б. КИРИЛЛОВА

МЕТАМОРФОЗЫ
РУССКОГО МАССКУЛЬТА

Наталья Борисовна Кириллова,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
кафедра культурологии и социально-культурной
деятельности,
заведующая
Ленина пр., д. 51, Екатеринбург, 620083, Россия

доктор культурологии, профессор
ORCID 0000-0002-9187-7080; SPIN 5004-0339
E-mail: urfo@bk.ru

Реферат. *Статья представляет собой рецензию на монографию доктора философских наук, профессора РГГУ, академика РАН И.В. Кондакова «Русский масскульт: от барокко к постмодерну». Книга, в структуре которой семь глав, посвящена истории возникновения и развития массовой культуры в России с древнейших времен до начала XX века. Исследуя ее истоки, уходящие своими корнями в глубокую древность, автор доказывает, что импульс самостоятельности русский масскульт получает в XVII в., когда формируется персонифицированная куль-*

тура, т. е. в ней выделяется личностное начало. Именно в этот период, связанный с появлением русского барокко, происходит становление двух парадигм – Предвозрождения и Предпросвещения, которые обусловили последующее противопоставление массовой и элитарной культур сначала в допетровской, а затем и в постпетровской Руси. Интересная оценка дана автором периоду русского Просвещения XVIII в., когда происходит размежевание дворянской культуры на либерально-демократическое и консервативное направления. При этом первое способствует массовизации, а второе – индивидуализации русской культуры. Кризис классической парадигмы в XIX в., включая литературицентризм и критикоцентризм русской культуры, привел в конечном итоге к формированию новых художественных течений, новых жанров и стилей, т. е. к модернизации русской культуры на рубеже XIX–XX веков. В этом плане Серебряный век оказался «изысканной и эфемерной конструкцией русского ренессанса» в парадоксальных формах символизма и модернизма.

В рецензии получили отражение структурные и содержательные аспекты монографии

И.В. Кондакова, особенности проведенного им теоретического анализа, специфика стиля и языка. Дана оценка изданию, раскрыта его уникальность и научная значимость для современной гуманитарной науки, включая историю и культурологию, литературоведение и филологию, искусствоведение и эстетику.

Ключевые слова: теория и история культуры, концептуальность, русский масскульт, размежевание дворянской культуры, массовизация, индивидуализация культуры, русский ренессанс, модернизм, постмодернизм.

Для цитирования: Кириллова Н.Б. Метаморфозы русского масскульта // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 5. С. 536–541. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-5-536-541.

Библиографический список актуальных исследований проблем русской культуры в теоретическом и историческом контексте пополнился новым научно значимым изданием — монографией И.В. Кондакова «Русский масскульт: от барокко к постмодерну». Актуальность этой внушительной по объему книги бесспорна. Во-первых, потому что она ломает стереотипы наших представлений о массовой культуре как явлении сугубо буржуазном, рыночном, связанном с технологией оболванивания масс. Во-вторых, гипотезой, выдвинутой автором, стало утверждение, что массовая культура возникла не в Соединенных Штатах Америки на рубеже XIX—XX вв., а «была и есть в каждой национальной или этнической культуре изначально», более того, она «органически присуща человеческой культуре вообще и является ее неотъемлемой составляющей во все времена, начиная с доисторических и кончая текущей современностью» [1, с. 5]. В-третьих, автор доказывает, что «истоки массовой культуры не могут иметь какое-то однозначное этнонациональное или региональное происхождение, что не исключает преимущественных влияний той или иной национальной культуры на развитие массовой культуры в разные культурно-исторические эпохи» [1, с. 6].

В качестве примера феноменов массовой культуры автор приводит произведения эллинистической литературы (роман «Дафнис и Хлоя» Лонга, «Эфиопика» Гелиодора, «Золотой осел» Апулея). Кроме того, как явление массовой культуры может восприниматься европейская новелла эпохи Возрождения («Декамерон» Д. Боккаччо или «Кентерберийские рассказы» Д. Чосера), позднее — западноевропейский плутовской роман XVI—XVII вв. и, наконец, исторический роман эпохи европейского романтизма (сочинения В. Скотта, В. Гюго, А. Дюма и др.).

Таким образом, по мнению И.В. Кондакова, массовая культура не должна считаться продуктом какой-то одной общественно-исторической формации (как традиционно принято считать — капиталистической), но в рамках любой из них она находит свои специфические формы репрезентации. При этом каждая ее конкретно-исторически обусловленная форма имеет потенциал глобального распространения — с учетом своей этнонациональной специфики.

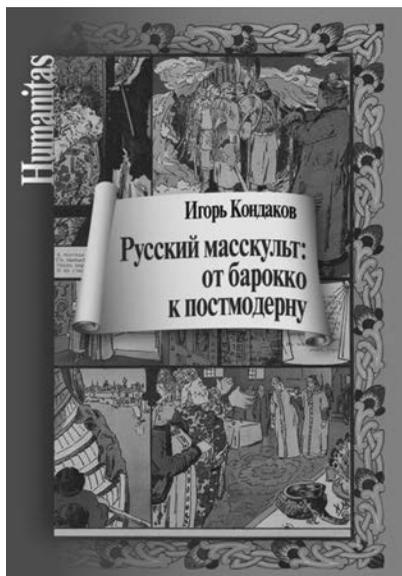
Что касается русского масскульта, то, как утверждает автор, он выделился из традиционной народной культуры и всегда сохранял с ней связь. Тесно связанный с отечественным фольклором, он прежде всего проявляется в своеобразии моральной дидактики и популизме. Достаточно вспомнить такие известные в истории русской культуры обращения к народной сказке, которые трансформируются почти до неузнаваемости в разных литературных произведениях, таких как: «Повесть о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма, «Пересмешник» М.Д. Чулкова, «Сказки» А.С. Пушкина, «Сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Уральские сказы» П.П. Бажова и др. Все это разнородные, непохожие друг на друга тексты, но в каждом из них узнается русский фольклор.

Можно согласиться с автором и в том, что структурные мотивы и сюжетные формулы, открытые и обобщенные В.Я. Проппом в его известных работах «Исторические корни волшебной сказки» [2] и «Морфология волшебной сказки» [3], применимы не только к текстам фольклора, но и к текстам массовой культуры — беллетристике, приключенческим и детективным романам, а в XX—XXI вв. — к филь-

мам и телесериалам, комиксам, мюзиклам и т. п. Причем это многообразие форм не мешает ей сохранять свою этнонациональную и цивилизационную идентичность, что обеспечивает ее узнаваемость у читателя или зрителя. Однако в каждой этнической массовой культуре может сохраняться своя специфика и сюжетно-тематическая экзотика, которая представляет познавательный интерес. В качестве примера И.В. Кондаков ссылается на знаменитое произведение древнерусской литературы — «Моление» Даниила Заточника (рубеж XII—XIII вв.), которое рассматривает как серьезное произведение, размышляющее о природе и сущности власти, правда, разбавленное не только цитатами из Библии, но и скоморошьям балагурством, что доказывает житейскую мудрость просителя, явно связанного с народной средой.

Да и на протяжении XIX в. — периода расцвета русской культуры, роль «этнической экзотики», отмечает автор, играли не только ранние рассказы и повести Н.В. Гоголя из циклов «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород», но и произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, построенные на кавказских проблемах, а также вариации на тему цыганских мотивов у А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М. Горького. Аналогичную роль этнической экзотики в XX—XXI вв. выполняют индийские и китайские фильмы, бразильские и мексиканские телесериалы, аргентинская и кубинская танцевальная музыка, афроамериканский джаз и др.

В монографии прослеживается вся история русского масскульта, начиная от его диалектики и роли в истории культуры, предыстории и рождения из «духа народности», анализа русской классики в контексте эволюции масскульта до проблем Серебряного века, который, по мнению автора, развивался между эпохами Ренессанса и модерна до постмодерна.

Обложка рецензируемого издания [1]

Исторические изменения массовой культуры происходят в зависимости от следующих причин: 1) от трансформации социально-исторического и культурного контекста; 2) от ее социокультурного статуса в составе данной культуры; 3) от изменения условий и форм ее функционирования в рамках той или иной культурно-исторической эпохи [1, с. 12]. Что касается самой специфики этих изменений, то они связаны, как правило, с тематикой и проблематикой произведения, сюжетной линией и героями, жанровой спецификой, языко-

выми кодами как средствами репрезентации и т. п. В этом плане массовая культура эпохи Античности отличается от Средневековья, тесно связанного с религиозными догмами, маскульт Возрождения отличается от барокко, а культура Просвещения от романтизма и т. д.

И.В. Кондаков вслед за Ю.М. Лотманом утверждает, что массовая культура (включая и тривиальную литературу) всегда существует и функционирует в контексте актуальной культуры как ее часть, оказывая косвенное влияние на развитие элитарной и популярной культуры, а также на распространение народной культуры в ту или иную культурно-историческую эпоху [4].

В многозначных культурных текстах русской классики, на которые ссылается автор, поверхностные слои относятся преимущественно к массовой (популярной) культуре, а глубинные — к элитарной (философской). Подобным образом выстроены многие произведения Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М. Горького.

Культуру Серебряного века автор идентифицирует с эпохой Ренессанса — легендарного периода расцвета гуманизма и эстетизма. Термин «русский ренессанс» ввел философ Н.А. Бердяев, который сам был его крупнейшим представителем. Акцентируя внимание на его «культурности» и «духовности», Бердяев тем самым подчеркивал несоответствие рус-

ского ренессанса его социальным целям и цивилизационным задачам, как это произошло в Европе [5, с. 239–241].

По данному научному вопросу есть ответ Д.С. Лихачева, на который ссылается И.В. Кондаков: «В России Возрождение только готовилось, но в силу обстоятельств не осуществилось» [6, с. 314]. Объясняя почему Предвозрождение на Руси не принесло с собой Возрождения, Д.С. Лихачев указывает на то, что «для этого недостаточно было собственных культурных сил», хотя в русской культуре уже были Феофан Грек и Андрей Рублев, Епифаний Премудрый и Ермолай-Еразм. Вот почему «историческую миссию русского Возрождения приняло на себя в XVII веке барокко» [6, с. 325].

В этой связи возникает вопрос к концепции Н.А. Бердяева, доказывающего, что русский ренессанс был, но наступил он на рубеже XIX–XX вв., т. е. после эпох барокко и классицизма, Просвещения и романтизма, а также реалистических исканий в русской культуре.

Объясняя эту культурно-историческую инверсию, И.В. Кондаков утверждает, что только в конце XIX в., когда «сложилась соответствующие социально-исторические условия в России» (буржуазные отношения, секуляризация культуры, идейное и политическое свободомыслие, первые значительные социокультурные преобразования действительности после отмены в 1861 г. крепостного права), — у русской культуры «появилась историческая возможность формирования “своего Возрождения”, парадоксально совпавшего по времени с европейской эпохой расцвета декаданса, символизма, стиля модерн, раннего авангарда и т. п.» [1, с. 423]. Да и переход к Новому времени для России начался лишь в Серебряном веке, когда появляются новые формы литературы (прозы и поэзии), изобразительного и музыкального искусства, театра и т. д.

Что касается масскульта данного периода, то он, по мнению автора, строится на «трагических коллизиях, возникающих между символистскими абстракциями и забытовленной повседневностью, между тягой к возвышенному и погрязанием в низменном» [1, с. 426]. Эти противоречия можно увидеть в творчестве З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского и Ф.К. Сологуба, А.А. Блока и Н.С. Гумилева, В.Я. Брю-

сова и А. Белого, Л.Н. Андреева, А.И. Куприна, раннего В.В. Маяковского, И. Северянина и др.

«Соединение правды с ложью, красоты и безобразия, добра со злом, — пишет И.В. Кондаков, — именно в такой противоречивой “системе координат” <...> была эстетика и поэтика массовой культуры русского Ренессанса» [1, с. 450]. Наслоение этих противоречий привело к социокультурному взрыву — Великой октябрьской социалистической революции, перешедшей в Гражданскую войну в России 1917–1922 гг., «в результате которой русская культура окончательно раскололась на две — советскую и эмигрантскую, даже пространственно-географически несовместимые между собой» [1, с. 453]. Не давая оценку советской (идеологизированной) культуре, автор тем не менее говорит о формировании в ней так называемого «коллективного стиля», который являлся распространенным «механизмом массовизации». Среди его лидеров выделялись В.В. Маяковский, А.Н. Островский, Л.М. Леонов, А.А. Фадеев, Ф.М. Парфенов, М.А. Шолохов и др. Что касается масскульта, близкого к фольклору, то в советский период к явлениям данного типа относилось творчество С.А. Есенина, Б.Ш. Окуджавы, В.С. Высоцкого, В.М. Шукшина.

В последней главе монографии, посвященной постмодерну и постлитературной альтернативе русского масскульта, который, по мнению автора, тоже рождается в начале XX в., в объекте внимания — основоположник не только русского, но и мирового постмодернизма писатель и философ В.В. Розанов. Именно он поведал читателям о «конце литературы», ее «окончании» и «разложении» в своих сочинениях «Уединенное», «Смертное», «Второй короб» и «Опавшие листья». Литература в ее классическом варианте воспринимается В.В. Розановым как «роковая сила», способная изменить действительность или повлиять на нее (что, собственно, и было в России). В «Апокалипсисе нашего времени» он прямо выносит приговор русской литературе за то, что «Русь слиняла в два дня», за «рассыпанное царство» и «за нашу вонючую Революцию» [7, с. 578–579]. Вывод писателя суров: «... Россию убила литература. Из слагающих “разложителей” России ни одного нет нелитературного происхождения» [7, с. 625].

Анализируя позднее творчество В.В. Розанова, И.В. Кондаков уделяет особое внимание предложенной им модели «мозаичной культуры», которая строится на том, что «все ее разнородные компоненты, фрагменты признаны теоретически правомерными... это парадоксальность и связывает, и разделяет; она одновременно химерична и реальна» [1, с. 473–475]. Таким образом, мозаичный текст, функционирующий в мозаичном контексте, а потому обладающий качественно иной степенью смысловой свободы, — это и есть главное свойство постлитературы или постмодернизма.

Отталкиваясь от этих идей в осмыслении сегодняшней реальности, И.В. Кондаков отмечает, что «постлитература — и во времена В.В. Розанова, и век спустя — складывается из множества различных интерпретаций и реинтерпретаций реальности — какой бы она ни представлялась автору: социальной действительностью, культурной историей, художественной реальностью, индивидуальным процессом мышления...». И в этой «цепочке смыслов передается “мозаичность” — и мира, и сознания, и субъекта творчества» [1, с. 507]. Эта мозаичная картина жизни отображается в «коллажной» и «фрактальной» композиции текста, «пронизанного многозначной гипертекстуальностью и интертекстуальностью», что воплощается в новом типе организации образа — «кластера» и выражает контрастность и противоречивость не только социальной действительности, но и всей культуры постмодерна. И все же, как констатирует автор, последнее слово, как показывает опыт истории, «остается все же за масскультом» [1, с. 520].

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать о том, что монография И.В. Кондакова при всей своей парадоксальности — это уникальное явление современной теории культуры. Написанная прекрасным литературным языком, книга дает возможность окунуться не только в масштабы истории русской культуры, но и подвести некоторые итоги ее развития. Немаловажно и то, что автор помогает найти ориентиры в осмыслении сегодняшнего бытия нашей культуры, взяв за основу современный русский литературный постмодер-

низм (произведения Б. Акунина, В.В. Ерофеева, Т.Н. Толстой, В.В. Ерофеева, В.О. Пелевина, В.Г. Сорокина и др.), который, как и в эпоху Серебряного века, соединяет в себе эффект элитарности и массовости. Книга доказывает, что отечественная культура на протяжении всей своей истории многомерна и внутренне дифференцирована, что важно для осмысления феномена массовой культуры, который не отделен непреодолимыми границами от других ее явлений, взаимодействует с ними, активно влияя на них и испытывая на себе их мощное влияние. Именно это, по мнению автора, и является движущим фактором культурно-исторического развития.

Список источников

1. *Кондаков И.В.* Русский масскульт: от барокко к постмодерну : [монография]. Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 544 с.
2. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп ; [Вступ. ст. В.И. Ереминой]. 2-е изд. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.
3. *Пропп В.Я.* Морфология (волшебной) сказки : Исторические корни волшебной сказки // Собр. трудов / В.Я. Пропп ; коммент. Е.М. Мелетинского, А.В. Рафеевой ; сост., науч. ред. текстол. коммент. И.В. Пешкова. Москва : Лабиринт, 1998. 511 с.
4. *Лотман Ю.М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // Избранные статьи : в 3 т. Таллинн : Александра, 1993. Т. 1. С. 380–388.
5. *Бердяев Н.А.* Русская идея : Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре : Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Москва : Наука, 1990. С. 43–271.
6. *Лихачев Д.С.* Русское Предвозрождение в истории мировой культуры : конспективное изложение концепции // Прошлое-Будущему : Статьи и очерки. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1985. С. 314–325.
7. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей : Уединенное : Смертное : Опавшие листья : Апокалипсис нашего времени / В.В. Розанов ; [Авт. вступ. сл. В.Г. Стукач, с. 7–31]. Москва : Московский рабочий, 1990. 875 с.

Metamorphoses of Russian Mass Culture

Natalia B. Kirillova

Ural Federal University, 51, Lenina Av.,
Yekaterinburg, 620083, Russia
ORCID 0000-0002-9187-7080; SPIN 5004-0339
E-mail: urfo@bk.ru

Abstract. *The article is a review of the monograph “Russian Mass Culture: From Baroque to Post-Modernism” by Doctor of Philosophy, Professor of the Russian State University for the Humanities, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences I.V. Kondakov. The book, which consists of seven chapters, is devoted to the history of the emergence and development of mass culture in Russia from ancient times to the beginning of the 20th century. Studying its origins dating back to antiquity, the author proves that Russian mass culture received an “impulse of independence” in the 17th century, as the culture was becoming personified, which means a personal principle was coming forward in it. It was during that period, associated with the emergence of Russian Baroque, that two paradigms appeared – Pre-Renaissance and Pre-Enlightenment, which led to the subsequent juxtaposition of “mass” and “elite” cultures in Russia first before Peter the Great and then after his period. The author gives an interesting assessment to the period of the Russian Enlightenment of the 18th century, when there happened a demarcation of the noble culture into liberal-democratic and conservative directions. Moreover, the former contributes to “massification”, and the latter – to “individualization” of Russian culture. The crisis of the classical paradigm in the 19th century, including the “literature-centrism” and “critical-centrism” of Russian culture, ultimately led to the formation of new artistic movements, new genres and styles, that is, to the modernization of Russian culture at the turn of the 19th–20th centuries. In this regard, the Silver Age turned out to be an “exquisite and ephemeral construction of the Russian Renaissance” in paradoxical forms of symbolism and modernism. The review reflected the structural and substantive aspects of I.V. Kondakov’s monograph, the features of his theoretical analysis, the specifics of style and language. The article evaluates the publication, reveals its uniqueness and scientific significance for*

modern humanitarian science, including history and cultural studies, literary criticism and philosophy, art criticism and aesthetics.

Key words: theory and history of culture, conceptuality, Russian mass culture, demarcation of noble culture, massification, individualization of culture, Russian Renaissance, modernism, post-modernism.

Citation: Kirillova N.B. Metamorphoses of Russian Mass Culture, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 5, pp. 536–541. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-5-536-541.

References

1. Kondakov I.V. *Russkii masskul't: ot barokko k post-modernu* [Russian Mass Culture: From Baroque to Post-Modernism]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr Gumanitarnykh Initsiativ Publ., 2018, 544 p.
2. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of Fairy Tale]. Leningrad, LGU Publ., 1986, 364 p.
3. Propp V.Ya. Morphology of (Fairy) Tale: The Historical Roots of Fairy Tale, *Sobr. trudov* [Collected Works]. Moscow, Labirint Publ., 1998, 511 p. (in Russ.).
4. Lotman Yu.M. Mass Literature as a Historical and Cultural Problem, *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 volumes]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1993, vol. 1, pp. 380–388 (in Russ.).
5. Berdyaev N.A. The Russian Idea. Main Problems of the Russian Thought of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century, *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture: Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya* [About Russia and Russian Philosophical Culture: Philosophers of the Russian Post-October Emigration]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 43–271 (in Russ.).
6. Likhachov D.S. Russian Pre-Renaissance in the History of World Culture: conceptual summary, *Proshloe-Budushchemu: Stat'i i ocherki* [From the Past to the Future: Articles and Essays]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, pp. 314–325 (in Russ.).
7. Rozanov V.V. *O sebe i zhizni svoei: Uedinennoe: Smertnoe: Opavshie list'ya: Apokalipsis nashego vremeni* [About Myself and my Life: The Secluded: The Mortal: Fallen Leaves: Apocalypse of our Time]. Moscow, Moskovskii Rabochii Publ., 1990, 875 p.